

РАСТРЕЛЯННЫЙ РАСТРЕЛЛИ

Недавно в Интернете прочитала: «Кого вы считаете самым гениальным из архитекторов?» Ну не нелепость ли?! Все равно, что задать ребенку вопрос: кто лучше, папа или мама? В самом деле: Трезини — гений, Росси — гений, Кваренги — гений... А Захаров, а Стасов, а Ринальди, а Монферран?!

Но между тем, пока размышляла о некорректности вопроса, для самой себя на него ответила. Сразу, не задумываясь, не сравнивая, не взвешивая заслуг: Растрелли! Для меня — Растрелли. Не буду даже пытаться отстаивать свое мнение. Конечно же, оно субъективно. Но любовь всегда субъективна...

К счастью, сохранилось многое, что дает возможность убедиться в его непостижимом, в его несравненном даровании: Смольный собор, Зимний дворец, дворцы Строгановых и Воронцовых, загородные императорские резиденции в Петергофе и Царском Селе.

Кажется, ему (нам!) повезло: время пощадило созданное гением. Но это только кажется.

Его шедевры горели, были не раз перестроены по прихоти хозяев, очень богатых, но порой весьма скромно одаренных чувством прекрасного. Интерьеры переделывали в соответствии с менявшейся модой. То, что было построено из дерева, сокрушило беспощадное время. Многое, очень многое уничтожили фашистские бомбы и снаряды, разрушили и разграбили захватчики.

Название этой главы не мною придумано. Так называли руины растреллиевских дворцов те, кто увидел Петергоф и Царское Село после изгнания фашистов. Царскосельский и Петергофский дворцы воссоздали наши современники. Бережно, с предельно возможной точностью и мастерством, но... это уже не те дворцы, к которым прикасалась рука гения. Сотни людей отдали многие годы, целые жизни возрождению творений Растрелли. Работа этих людей — подвиг. А они почитали за великую честь быть причастными к воплощению его замыслов.

Что же касается утраченного навсегда... Начну с того, что можно назвать «запланированными» утратами. Зимний дворец Анны Иоанновны был изначально обречен, потому что, несмотря на солидный размер, был по существу пристройкой к дому Апраксина, состоял из частей, «пригнанных» друг к другу, не имел единого плана, не был приспособлен к приему одновременно нескольких сотен гостей, а значит, мог устраивать разве что Анну, обожавшую роскошь, но ни особым вкусом, ни воображением «не страдавшую». Выполнять функцию главной резиденции самодержцев огромной империи этот дворец не мог ни в коем случае, хотя строил его великий мастер. Но даже он не мог сделать больше, чем допускали требования, предъявленные венценосной, но притом весьма прижимистой заказчицей.

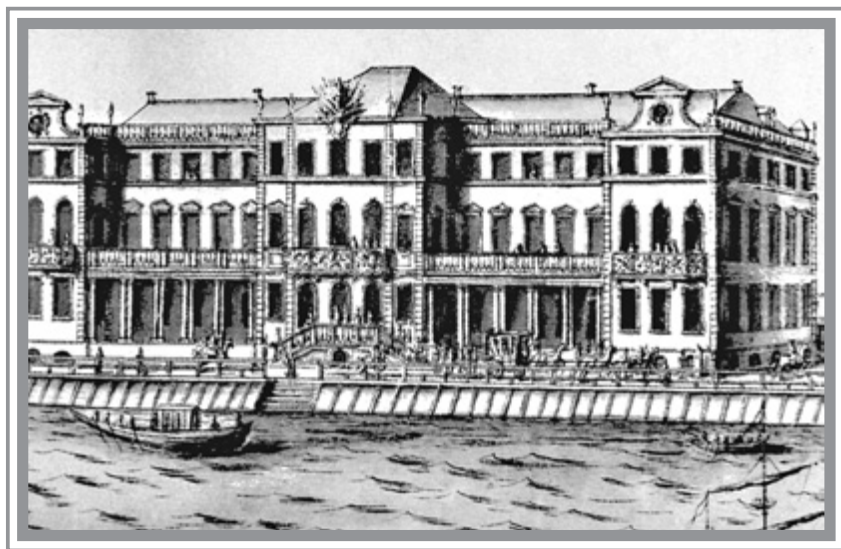
«По своем прибытии императрица Анна велела мне построить большой каменный Зимний дворец в четыре этажа, не считая погребов и мезонинов. Это здание было возведено рядом с Адмиралтейством, против большой площади, так что жилой корпус выходил на реку Большую Неву. В этом здании были большой зал, галерея и театр, также и парадная лестница, большая капелла, все

богато украшенное скульптурой и живописью, как и вообще во всех парадных апартаментах. Число комнат, которые были устроены в этом большом дворце, превышало 200, кроме нескольких служебных помещений, лестниц и большого помещения для караула, дворцовой канцелярии и пр.».

Составляя отчет о своей многолетней работе при русском дворе, Растрелли описывает сделанное без эмоций, тоном беспристрастного регистратора. Не жаловаться, никого не упрекать, никого не винить в неудачах — позиция благородная, позиция настоящего мужчины. А ведь он был человек страстный, на язык далеко не всегда воздержанный. Можно представить, как больно было ему работать (а работал он всегда самозабвенно), когда знал: делает вовсе не то, что нужно бы, что виделось, что хотелось.

Свой первый Зимний дворец (всего на его счету их три) по приказу императрицы Анны он фактически не строил, а постоянно делал пристройки к старому дому генерал-адмирала Федора Матвеевича Апраксина. Дом этот стоял приблизительно на том месте, что и нынешний Зимний дворец.

Лучшего места и не найти, так что привязанность к нему царицы вполне объяснима. А распоряжаться огромным адмиральским

Дом Апраксина

домом она могла по своему усмотрению. Дело в том, что верный сподвижник Петра скончался бездетным. Все свое добро (а было оно немалым: дворцы, земли, золото, драгоценности) разделил между родственниками и теми, кто служил ему верно и преданно, как сам он служил своему императору. Зная, как любил Петр место у самого широкого разлива Невы, на котором стоял его дом, Апраксин решил, что должно оно навсегда остаться собственностью потомков великого государя и попросил царствовавшего тогда Петра II принять этот дом «со всеми в нем уборы» ко двору его величества. Юный император благосклонно согласился, хотя особой ценности в подарке не видел: не собирался жить в Петербурге, столицу пожелал вернуть в Москву.

Другое дело Анна Иоанновна. Что бы о ней ни писали и ни говорили, она прекрасно понимала: ее власть должна держаться не только на кнуте (с этим у нее и Бирона было все в порядке), но и на прянике. Пряником же должна стать ее верность заветам и делам distinguished дядюшки Петра Алексеевича. Пусть и будет эта верность лишь видимостью, лишь декларацией. Так что столицу надобно безотлагательно вернуть в град Петров. Но где жить? Царского дворца в Петербурге нет. Вот и пригодился подарок генерал-адмирала.

Отступление о генерал-адмирале

Тем, кто хорошо знает о характере и делах Федора Матвеевича Апраксина, подарок этот может показаться странным. Ведь старый воин по собственной воле удалился от двора, возмущенный дразгами, начавшимися после смерти его обожаемого повелителя, в интригах участвовать не желал. К подростку-императору особенно теплых чувств не питал, тем более, что отца его, царевича Алексея, не просто не уважал, но был одним из самых его строгих судей. И вдруг — такой подарок. Кто знает, может, предчувствовал, что скоро власть переменится; может, хотел, чтобы наследники Петра, какими бы они ни были, жили на месте, которое когда-то

выбрал для себя сам великий государь; может, доля наследство между родичами, не мог обойти и Романовых. Он ведь был царским родственником, не кровным, но близким. Его родная сестра Марфа Матвеевна была женой (и любимой женой) родного брата Петра, Федора Алексеевича.

Ф. М. Апраксин

Те, кто, узнав об этом родстве, решат, что ему-то и обязан Федор Апраксин своим восхождением, ошибутся. Для Петра родство, как известно, значило немного. Другое дело — способности. Самая ценная из них — способность самозабвенно трудиться. А уж на каком поприще — дело второе. Важно, чтобы душа к работе лежала и чтобы была эта работа на пользу России.

Может, Петр Алексеевич и взял к себе Федора

стольником благодаря родству. Зато уж потом, когда увидел молодого Апраксина в деле, доверился ему без опасений. Вместе и потешное войско набирали, и флотилию в Переславле, на Плещеевом озере, строили. С тех пор уверенно поручал Петр Федору Матвеевичу дела трудные, требующие не только исполнительности, но и самостоятельности, решительности, смелости. Сначала назначил губернатором Архангельска. Надлежало в этом единственном в те времена русском порту наладить судостроение, как коммерческое, так и военное. Потом произвел в главные начальники Адмиралтейского приказа и одновременно назначил азовским губернатором. Пришлось Апраксину, чтобы флот для Азовского моря строить, и верфь в Воронеже организовать, и пушечный завод в Липецке, а в Таганроге и гавань построить, и прибрежные укрепления.

Как известно, чем больше человек делает, тем больше его нагружают. Довольный успехами своего (со-трудника? ученика? сотоварища?), Петр решает испытать, нет ли у того и других талантов, кроме административных, и поручает Апраксину командовать Балтийским флотом. Обнаруживается и еще дар: военный, командирский. Нападение шведов на Кроншлот, Котлин и Петербург новый командующий отразил блистательно. За что был ему пожалован графский титул. Но мало ему морских побед. Во главе десяти тысячной сухопутной армии взял Выборгскую крепость. Государь не замедлил с наградой: орден Андрея Первозванного, высший орден империи, украсил грудь командующего.

Потом были еще походы и еще победы: взятие Гельсингфорса, захват Або и Аландских островов и, наконец, самая славная в те годы виктория — в морском бою у мыса Гангут. После нее произвел Петр победителя в самый высокий флотский чин — генерал-адмирала. Такого звания за всю нашу историю были удостоены всего девять человек. Апраксин — третий, после двоих столь же преданных соратников Петра, Франца Яковлевича Лефорта и Федора Алексеевича Головина.

Высокое положение никак не сказалось на характере Апраксина. Проказлив был не по чину. Не раз во главе отряда смельчаков ходил в Аландские и Стокгольмские ихеры, топил шведские суда, совершал набеги на прибрежные поселения. В общем, держал соседей «в тонусе». Эти выходы генерал-адмирала сыграли немалую роль при подписании Ништадтского мира на самых выгодных для России условиях. Очень уж хотелось шведам избавиться от необузданного и непредсказуемого вояки.

Подчиненные его любили. И было за что: добр, смел, справедлив, гостеприимен, нрав имел веселый. Сам о себе говорил, что всегда исполнял службу «по силе ума своего радостным сердцем и чистой совестью».

Со смертью повелителя и друга, которого боготворил, жизнь потеряла смысл. Преемники Петра Великого

казались отвратительны, как шакалы, делящие наследство у еще не остывшего тела льва. Он покинул и двор, и Петербург. А вскоре жизнь покинула его...

Так что адмиральский дворец и земля неожиданно-негаданно достались Анне Иоанновне, ставшей царицей. Тоже вполне неожиданно. В 1730 году распорядилась она, чтобы под присмотром полковника Трезини к дому покойного Апраксина пристроили с десятков новых покоев. К осени все было готово, только новая государыня терпеть не могла ездить по грязи и колдобинам, потому принялась ждать санного пути из Москвы. Снег выпал только в январе уже следующего 1731 года. По чистой, ровной белоснежной дороге царский двор добрался до Петербурга в рекордно короткое время — за трое суток.

Дворец Анне Иоанновне понравился: в такой роскоши она никогда не жила. Но, как известно, все познается в сравнении. Бирон видал и лучшее, так что без труда сумел внушить своей царственной возлюбленной, что даже и перестроенные адмиральские палаты не

Анна Иоанновна

могут доставить всех удобств, каких требует двор императрицы; что нет в них ни одной порядочной залы, где бы прилично было поместить царский трон и принимать соответственно своему положению иноземных послов. Вот тут-то и отдает Анна молодому архитектору Растрелли то распоряжение, о котором он писал в своем отчете и которое я цитировала, начиная рассказ о Зимних дворцах, им построенных. Растрелли оказался в несколько более выгодном положении, чем Трезини, которому пришлось пристраи-

вать к адмиральскому дому несколько новых помещений. Ему предстояло пристраивать целый дворец. Но все-таки не строить, а именно пристраивать. Свободы, размаха он был лишен. С самого начала понимал, что этому Анненскому дому (так его называли петербуржцы) не суждена долгая жизнь: как-то уж больно несуразно выглядел царский дворец, примыкающий одной стороной к Адмиралтейству, другой — к ветхим палатам Рагузинских, третьей выходящий на луг, вокруг которого лепились убогие деревянные строения: сараи, конюшни, избы. Только фасад, смотрящий на Неву, являл собой достойное зрелище.

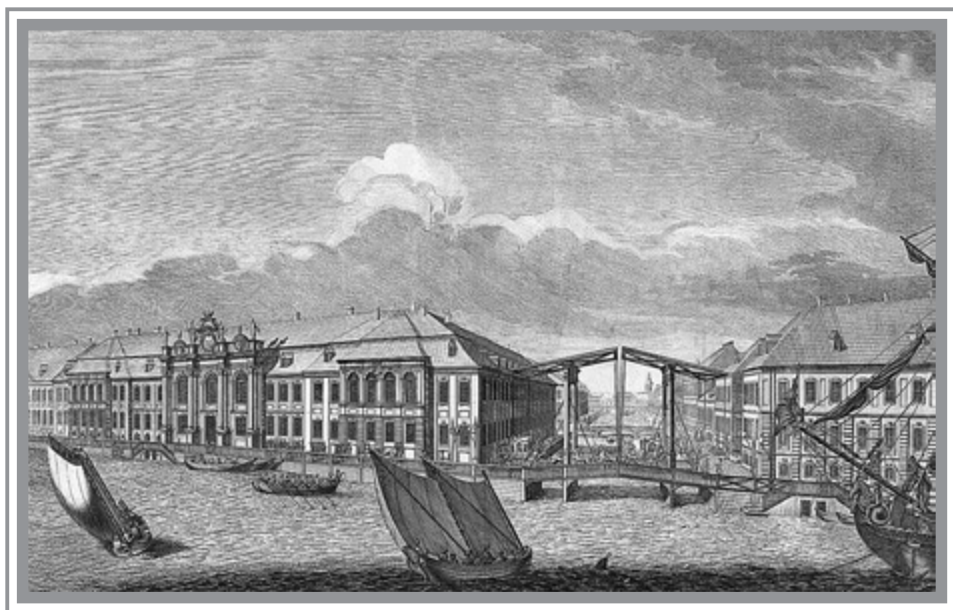
С воцарением Елизаветы Петровны стало ясно: долго она в таком дворце не проживет. Ей, несравненной красавице, бриллианту, нужна достойная оправа — великолепный дворец, превосходящий совершенством чертоги европейских государей.

Так и случилось. Правда, Елизавета долго колебалась и, как и ее предшественница, склонялась к перестройке существующего дворца. Она вообще часто оттягивала принятие решений. Исследователи приписывают это чудовищной лени императрицы. Самым вопиющим тому подтверждением служит рассказ о том, как, получив от французского короля письмо, извещающее о рождении внука, она все тянула с подписанием ответа. И, правда, на первый взгляд лень просто безграничная. Но если вспомнить одно очень обидное для нее обстоятельство, то станет понятно: вовсе это не лень, а весьма изощренное оскорбление — мол, почему вы считаете, что мне могут быть интересны ваши семейные радости? Елизавета была добра, не гневлива, но обид не забывала. А обидели ее тяжело: родители хотели выдать ее замуж за Людовика XV. Бурбоны отказали. Ее, признанную самой красивой принцессой Европы, сочли недостойной! Только потому, что матушка ее отнюдь не голубых кровей, да и родилась она до вступления родителей в законный брак. Что же, прикажете радоваться появлению в этом высокомерном семействе законного наследника? Не дождутся! Вернее, придется подождать... И ждали. Ровно три года! И решение о постройке нового дворца откладывала не по лености. Взвешивала, считала. Вот уж чего нельзя отрицать, так это того, что странным образом уживалась в ней неумеренная расточительность и мелочная скупость. Окончательное решение в большинстве случаев зависело от того, какое из этих качеств победит.

Думается, Растрелли, хорошо знавший скаредную и вместе с тем широкую, азартную натуру дочери Петра, сумел убедить ее, что строить надо с чистого листа, чтобы дать простор воображению. И она решилась...

Каким счастливым для Петербурга было это решение, понимаешь каждый раз, проходя или проезжая — хоть изредка, хоть каждый день — мимо шедевра Растрелли. Привыкнуть к этому чуду, то есть пройти мимо него равнодушно, невозможно.

Через десять лет архитектор вспоминал: «После того как императрица утвердила проект нового Зимнего дворца и так как было необходимо совершенно снести старый дворец, построенный покойной императрицей Анной в начале ее царствования, ее величество императрица Елизавета приказала мне строить **большой Зимний дворец из дерева**, в один этаж на каменных фундаментах, и это здание было построено на Большом проспекте (Растрелли писал этот отчет в 1764 году, значит, тогда Невский проспект еще называли по привычке Большим, хотя Указ Анны Иоанновны “...впредь именовать Большую перспективу, что следует от Адмиралтейства к Невскому монасты-

Деревянный Зимний дворец

рю, — Невскою проспективою” был подписан еще 20 апреля 1738 года. — И. С.).

Число апартаментов превышало две тысячи комнат, с большим залом, галереей, часовней, а также большим театром в два яруса лож. Все парадные апартаменты, приемные, зал, галерея и пр. были украшены лепным позолоченным орнаментом и несколькими плафонами, помещенными в главных апартаментах».

Многие из этих орнаментов и скульптурных украшений были перенесены в новый дворец из Зимнего дворца Анны Иоанновны, который в это время разбирали.

Добавлю, что поодаль была построена дворцовая каменная кухня. Растрелли в своем отчете о ней умолчал — видимо, потому что, с точки зрения архитектора, она ровно никакого интереса не представляла, а о дальнейшей ее судьбе он не мог и подозревать. Но об этом речь впереди.

А в память о дворце остался только рисунок самого Растрелли да проектные чертежи, но и по ним можно судить: дворец был великолепен. И — огромен. Представим: в Зимнем дворце Анны Иоанновны (четырехэтажном!) было около двухсот комнат, во дворце Елизаветы Петровны — две тысячи! Он растянулся от Малой Морской почти до самой Мойки, заняв всю территорию Морского гостиного двора петровских времен, где торговали в основном рыбой. В 1736 году рынок сгорел. Дотла. Случилось это весьма кстати: нестерпимый запах все равно заставил бы убрать прилавки рыбаков от Адмиралтейства и Невской перспективы, становившейся к тому времени центром столицы. А вот дворцу, пусть и временному, здесь было самое место.

У многих, читающих о том, что после смерти императрицы Елизаветы осталось пятнадцать тысяч платьев, тысяча пар туфель, два сундука шелковых чулок и столько же перчаток, возникает резонный вопрос: зачем ей столько? То же и с комнатами. Каждый, кто бывал в Эрмитаже, знает: за один раз Зимний дворец (последний, ныне существующий) не так-то легко обойти. А там ведь около тысячи помещений! Всего! Но две тысячи...

А дело в том, что эту женщину, такую жизнерадостную, казавшуюся неизменно веселой и даже легкомысленной, терзали страхи.